

А. С. Алексеев

**Возникновение конституций
в монархических
государствах
континентальной Европы
XIX ст**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. С. Алексеев**
Возникновение конституций в монархических государствах континентальной Европы XIX ст / А. С. Алексеев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 46 с.

ISBN 978-5-458-06629-7

ISBN 978-5-458-06629-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Политическія идеи, опредѣлявшія настроеніе французскаго общества наканунѣ изданія хартіи, и роль Людовика XVIII въ государственной реформѣ 1814 г.

Конституціонная хартія 1814 г. не есть личный творческій актъ короля-законодателя, а представляетъ собою плодъ совмѣстной дѣятельности нѣсколькихъ политическихъ факторовъ, разнородныхъ по своимъ стремленіямъ и различнымъ по своимъ тенденціямъ.

Являясь переработкой сенатской конституціи 6-го апрѣля, хартія пережила въ этой своей переработкѣ нѣсколько фазисовъ.

Первый изъ нихъ отмѣченъ составленіемъ конституціоннаго проекта, который извѣстенъ подъ названіемъ проекта Монтескюи. Въ его разработкѣ принимали участіе ближайшіе сотрудники Людовика XVIII — канцлеръ Дамбре, аббатъ Монтескюи и графъ Ферранъ. Они внесли въ сенатскую конституцію поправки, которыя были проникнуты явнымъ стремленіемъ — усилить власть короля въ ущербъ авторитету парламента.

Второй періодъ характеризуется дѣятельностью парламентской комиссіи, образованной изъ членовъ палатъ. Эта комиссія въ своемъ большинствѣ состояла изъ умѣренныхъ либераловъ и въ значительной степени смягчила монархическія тенденціи поправокъ, внесенныхъ въ сенатскую конституцію редакторами первоначальнаго проекта. Парламентская комиссія выработала окончательный текстъ хартіи, который затѣмъ на торжественномъ засѣданіи 4-го іюня былъ одобренъ обѣими палатами, выразившими это свое одобреніе въ благодарственныхъ адресахъ на имя короля.

Хартія 4-го іюня¹⁾ является, такимъ образомъ, результатомъ факторовъ, изъ которыхъ каждый былъ воодушевленъ своими

¹⁾ Эту хартію нужно умѣть отличать отъ сопровождавшаго ее манифеста (знаменитаго введенія къ ней — *Préambule*), который имѣетъ свою исторію и испыталъ и свою судьбу, весьма не похожую на судьбу хартіи.

воззрѣніями и преслѣдоваль свои цѣли. Если, тѣмъ не менѣе, въ итогѣ получился государственный актъ, который ни съ чьей стороны не встрѣтилъ серьезной оппозиціи и въ общемъ былъ принятъ сочувственно, то объясняется это прежде всего тѣмъ, что эти разнородные факторы сходились на общей почвѣ обновленной революціею Франціи и исповѣдывали общія политическія идеи.

Дѣло въ томъ, что во Франціи, въ изучаемую нами эпоху, несмотря на существованіе въ ней различныхъ политическихъ теченій и не смотря на противоположность боровшихся между собой социальныхъ и государственно-правовыхъ притязаній, сложился опредѣленный фондъ общепризнанныхъ политическихъ идей: равенство всѣхъ передъ закономъ, неприкосновенность личности, свобода печати, свобода вѣроисповѣданія, участіе народа въ законодательствѣ, система двухъ палатъ, отвѣтственность министровъ, независимость суда. Всѣ эти начала въ принципѣ никѣмъ не оспаривались и должны были лечь въ основаніе всякой конституціи, отъ кого бы она ни исходила и какимъ бы порядкомъ она ни была издана. Эти требованія внушались не только пережитымъ политическимъ опытомъ и началами, вошедшими въ правовое сознаніе общества въ эпоху революціи, но и питались тѣми симпатіями, которыми во Франціи въ то время пользовался англійскій политическій строй. Съ 1789 г., говоритъ Беньо, начала учредительнаго собранія были въ умахъ всѣхъ и служили основой всѣмъ нашимъ учрежденіямъ. Наполеонъ временно усыпилъ эти идеи блескомъ своего царствованія. Послѣ же его паденія и въ связи съ принципами, заимствованными изъ англійской конституціи, образовались тѣ государственно-правовые догматы, изъ которыхъ сложилось политическое міросозерпаніе французскаго общества наканунѣ реставраціи. Редакторамъ государственно-правовыхъ актовъ этой эпохи не приходилось измышлять новыхъ политическихъ проектовъ, а лишь точнѣе формулировать и закрѣплять на бумагѣ то, что сложилось въ общественномъ сознаніи. «Конституція сената, Сентъ-Уанская декларация, хартія», по словамъ Беньо, «это дѣти одной и той же семьи, ибо онѣ воспроизводятъ лишь принципы, относительно которыхъ сходились всѣ»¹⁾.

¹⁾ Veugnot, Mémoires, 3-ème édition, 1885, p. p. 485—486.

Что во Франціи въ эпоху составленія хартіи существовали политическія идеи, относительно которыхъ сходилось громадное большинство мыслящаго французскаго общества, несмотря на разнородность политическихъ интересовъ и притязаній, и что эти идеи внушались, между прочимъ, уваженіемъ къ англійскому государственному строю, объ этомъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ и Витроль. «Тѣ, говоритъ онъ, которые были проникнуты ненавистью къ наполеоновскому гнету и хотѣли конституціи... имѣли передъ глазами готовый образецъ въ государственномъ строѣ Ан-

Если факторы, участвовавшіе въ разработкѣ хартіи, несмотря на свою разнородность, пришли, тѣмъ не менѣе, къ общему итогу, то обуславливается это не только тѣми политическими идеями, которыя ихъ объединяли, но и общими цѣлями той государственной реформы, которая повелительно была предписана дѣятелямъ этой реформы неотразимыми условіями политической жизни Франціи того времени.

Съ главными двигателями этого преобразованія мы и должны теперь познакомиться. Первое мѣсто между ними принадлежитъ, несомнѣнно, Людовику XVIII.

И нашей ближайшей задачей будетъ объясненіе той роли, которая выпала на долю короля въ конституціонномъ кризисѣ, пережитомъ Франціей въ 1814 г. Характеризуя Людовика XVIII, мы обратимъ особенное вниманіе на тѣ стороны его личности, которыя объяснятъ намъ степень и характеръ его участія въ интересующей насъ государственной реформѣ.

Людовикъ XVIII ни по своему темпераменту, ни по своему характеру, ни по склонностямъ своего ума, не былъ призванъ къ роли вліятельнаго и энергичнаго государственнаго дѣятеля. Это была пассивная натура, которая сторонилась живой дѣятельности среди людей и прежде всего дорожила душевнымъ миромъ и физическимъ покоемъ. Одаренный недюжинными способностями, онъ охотно отдавался лишь тѣмъ умственнымъ упражненіямъ, которыя не затрагивали его личныхъ чувствъ и не грозили ему душевными волненіями. Онъ былъ болѣе склоненъ къ занятіямъ философіей и литературой, которымъ отдавался не безъ успѣха, чѣмъ къ участію въ политической жизни. Онъ очень цѣнилъ внѣшніе атрибуты королевской власти, но тяготился тѣми обязанностями, которыя она на него возлагала.

Лишенный способности и наклонности активно воздѣйствовать на ходъ политической жизни, относясь къ ней съ спокойнымъ равнодушіемъ, Людовикъ XVIII не имѣлъ своихъ, жизнью проявленныхъ и опытомъ закаленныхъ, политическихъ убѣжденій и не обладалъ «своей волей» въ вопросахъ государственной политики.

глии, той единственной конституціи, которая противостояла разрушительному дѣйствію времени и испытаніямъ послѣднихъ эпохъ и которой приписывали процвѣтаніе Англіи. Она всѣми признавалась наилучшей и при томъ настолько единодушно, что никто не хотѣлъ слышать о другой, начинаая съ русскаго Императора и кончая послѣднимъ служащимъ въ моемъ вѣдомствѣ... Есть, повидимому, моменты въ исторіи, когда извѣстныя идеи распространяются съ неотразимой силой эпидеміи. Это — своего рода лихорадка, которая овладѣваетъ умами и отъ которой никто не гарантированъ: она носится, такъ сказать, въ томъ воздухѣ, которымъ мы дышимъ». *Vitrolles Mémoires, Edition 1884, p. 238.*

Въ 1788 г. Людовикъ XVIII обнаруживаетъ либеральное на строеніе и на собраніи нотаблей голосуетъ вмѣстѣ съ народной партіей¹⁾. Когда же революція получаетъ роковой для Бурбоновъ оборотъ, его политическіе взгляды входятъ въ другое русло и онъ въ 1795 г. въ деклараціи, въ которой извѣщаетъ о своемъ вступленіи на престолъ, заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи возстановить старую французскую монархію во всей ея чистотѣ, временемъ искаженную, и во всей ея силѣ, временемъ не ослабленную²⁾. Наконецъ, въ 1799 г. онъ, отвѣчая на письма графа С.-При, выразившаго сомнѣніе въ возможности возстановленія стараго порядка, заявляетъ, что для него этотъ порядокъ — святыня, ковчегъ завѣта (l'arche sainte), которой онъ твердо рѣшился никогда не измѣнять, что уклониться отъ нея значить для него отказаться отъ унаслѣдованной имъ отъ предковъ полноты власти и удовольствоваться той долей этой власти, которую благоугодно будетъ народу ему предоставить. Измѣнившіяся обстоятельства отклоняютъ его однако отъ этого въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ намѣченнаго пути. Когда социальный и политическій переворотъ, вызванный французской революціей, былъ окончательно закрѣпленъ цѣлымъ рядомъ законовъ и учреждений, смывшихъ съ лица земли остатки стараго режима, и стало яснымъ, что онъ безповоротно отошелъ въ прошлое, когда, съ другой стороны, былъ возстановленъ престолъ, который въ теченіе вѣковъ занимали его предки, когда, другими словами, съ одной стороны была утрачена надежда на возстановленіе прежняго строя, но съ другой открылась возможность вернуть себѣ корону, тогда Людовикъ XVIII выражаетъ готовность, въ случаѣ возвращенія его на прародительскій престолъ, признать результаты пережитаго Франціей переворота и взять свою защиту всѣ благопріобрѣтенные права и интересы, сложившіеся при новомъ режимѣ и узаконенные властью, вышедшей изъ революціи. Эту готовность онъ выражаетъ въ деклараціи, опубликованной въ Митавѣ 4 декабря 1804 г. и еще рѣшительнѣе высказываетъ въ манифестѣ, подписанномъ въ Гартвеллѣ 1 января 1814 г. Наконецъ, когда союзныя державы высказались за возвращеніе Бурбоновъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ признанія Людовикомъ XVIII конституціоннаго режима, недавній защитникъ незыблемости устоевъ самодержавія и неприкосновенности началъ неограниченной монархіи изъясняетъ готовность

¹⁾ Pasquier, Mémoires. Deuxième édition, 1893, t. II, p. 318, гдѣ приводятся отзывы Таллейрана о Людовикѣ XVIII.

²⁾ Duvergier de Hauranne, Histoire du Gouvernement parlementaire en France. Deuxième édition, 1870, t. II, p. 124.

даровать Франці конституціонный порядокъ и въ Сентъ-Уанской деклараціи возвѣщаетъ его главныя основы.

И въ этотъ критическій моментъ своей политической карьеры, отъ котораго зависѣло такъ много, Людовикъ XVIII болѣе чѣмъ когда-либо не имѣлъ никакой опредѣленной политической программы и находился въ полной зависимости отъ людей и обстоятельствъ, которые его окружали.

Шаткость и неясность его политической точки зрѣнія подчеркиваютъ всѣ, кто въ эту эпоху его жизни имѣли случай бесѣдовать съ нимъ. «Я думалъ», говоритъ Витроль, «что король проявитъ свою инициативу, когда очередь дойдетъ до установленія законовъ политическихъ или конституціонныхъ. Я ждалъ отъ него, какъ и всѣ, плодовъ его размышленій въ изгнаніи, но, къ великому моему удивленію, я не могъ найти и слѣдовъ такихъ размышленій¹⁾. Я жалѣлъ, что король не проявлялъ въ этой области ни своего ума ни своей воли²⁾. Говоря о тѣхъ различныхъ политическихъ проектахъ, которые въ то время обсуждались въ обществѣ, Витроль замѣчаетъ, что у Людовика XVIII на этотъ счетъ не было никакихъ сложившихся воззрѣній. «Было ясно», замѣчаетъ Витроль, «что если король въ прежнее время и имѣлъ болѣе или менѣе опредѣленные воззрѣнія на желательный для Франці образъ правленія, то онъ въ данную минуту отказался отъ нихъ, чтобы подчиниться господствовавшему въ обществѣ мнѣнію». «Въ то время, о которомъ я говорю», продолжаетъ Витроль, «нельзя было раскрыть въ мысляхъ короля ни малѣйшей попытки возродить ихъ, ни даже видности сожалѣнія о нихъ... Пребываніе въ Англии въ значительной мѣрѣ приучило его къ тому, чтобы приноровиться къ конституціонной монархіи и онъ такъ свыкся съ этой идеей, что находилъ, что можно прекрасно править, подчиняясь условіямъ, которыя поставлены англійскимъ монархамъ³⁾»).

Людовикъ XVIII наканунѣ изданія хартіи не имѣлъ, такимъ образомъ, своихъ политическихъ убѣжденій и своихъ воззрѣній на желательный для Франці государственный строй: онъ примкнулъ къ господствовавшему въ странѣ настроенію и къ той политической программѣ, которую поддерживали союзныя державы и которую раздѣляло большинство французскаго общества. И онъ, очевидно, не кривилъ душой, издавая Сентъ-Уанскую декларацію, въ которой призналъ «хорошими» основы сенатской

¹⁾ Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 227.

²⁾ Vitrolles, t. II, 228.

³⁾ Vitrolles, t. II, p. 239.

конституціи, и въ которой обѣщаль дать Франці либеральную хартію.

Но конституціонный образъ мыслей Людовика XVIII, усвоенный имъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, имѣлъ свои особенности которыя мы должны здѣсь подчеркнуть.

Людовикъ XVIII думалъ, что дарованіе странѣ конституціи вовсе не означаетъ отказа съ его стороны отъ догмата самородности королевской власти и что онъ, принимая тѣ ограниченія, которыя на него налагають конституція, отнюдь не перестаетъ быть монархомъ Божіей милостью.

Начало народнаго суверенитета онъ отвергалъ безусловно. И если у него не было, какъ мы видѣли, ясныхъ и устойчивыхъ убѣжденій, то онъ былъ проникнутъ очень опредѣленными политическими чувствами и вѣрованіями¹⁾. Къ нимъ принадлежала прежде всего его вѣра въ божественное происхожденіе королевской власти и ея независимость отъ народной воли. Но это вѣрованіе не мѣшало ему признавать необходимость подчиняться требованіямъ «конституціоннаго порядка». «Если», говоритъ Барантъ, «Людовикъ XVIII не хотѣлъ принять конституціи, предложенной ему Сенатомъ, если онъ желалъ править согласно неизблему правилу легитимитета, а не въ силу договора, заключеннаго имъ съ народомъ, то онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ необходимымъ признать новое публичное право и обезпечить его функціонированіе принятіемъ конституціонныхъ формъ правленія: и Сентъ-Уанской деклараціей онъ взялъ на себя обязательство въ этомъ смыслѣ²⁾».

Людовикъ XVIII, въ отличіе отъ чистыхъ роялистовъ, не хотѣлъ возвращенія стараго порядка, онъ не хотѣлъ контроль-революціи. Онъ вѣрилъ въ возможность примирить либеральный конституціонный порядокъ съ принципомъ легитимизма и думалъ, что самодержавіе королевской власти вполне вяжется съ ограниченіемъ этой власти формами и правилами представительнаго строя.

¹⁾ «Sa Majesté n'attachait pas une grande importance à la rédaction des formules constitutionnelles, à moins qu'une discussion contradictoire, rapportée par ses ministres, ne lui eût fait prendre parti: alors il s'y attachait avec acharnement comme un joueur qui veut gagner la partie. Si on arrivait à toucher les cordes délicates de son âme royale, il se relevait de toute la hauteur de sa dignité. Il ne démentait pas le sang de Louis XIV et ne séparait pas l'honneur de la France de celui de sa couronne». Barante, Souvenirs, 1893, t. II, p. 242.

²⁾ «Si Louis XVIII n'avait pas voulu de la constitution présentée par le Sénat; s'il souhaitait régner selon un principe immuable de légitimité, et non pas en vertu d'un contrat passé avec la nation, il reconnaissait toutefois la nécessité d'affirmer le nouveau droit public et d'en assurer le fonctionnement par les formes constitutives de son gouvernement, la déclaration de Saint-Ouen en comportait l'engagement». Barante, Souvenirs, t. II, p. 38.

Роль монарха, правящаго въ предѣлахъ, установленныхъ либеральной конституціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющаго все внѣшніе атрибуты королевской власти стараго порядка, эта роль вполне соответствовала его наклонностямъ и его характеру. И онъ охотно взялъ ее на себя. Не имѣя никакихъ данныхъ для того, чтобы по собственной инициативѣ принимать государственныя рѣшенія, самостоятельно вникать въ политическія дѣла и властно направлять ихъ, Людовикъ XVIII и не заявлялъ на это притязаній. Онъ возлагалъ бремя государственнаго труда на своихъ сподвижниковъ и помощниковъ и предоставлялъ имъ руководство политическими дѣлами. «Въ моихъ первыхъ сношеніяхъ съ королемъ»; рассказываетъ Витроль, «я старался выяснитъ, какимъ путемъ проявляется его воля въ государственныхъ дѣлахъ, но мнѣ пришлось очень скоро съ удивленіемъ убѣдиться, что онъ отказывался отъ всякаго прямого на нихъ воздѣйствія. Не въ немъ видѣлъ онъ задачу короля. Онъ думалъ, что главная его задача заключается въ томъ, чтобы при разногласіяхъ произносить рѣшительное слово. Отъ него никогда не исходило никакой инициативы, развѣ только въ тѣхъ фантазіяхъ, отъ которыхъ не свободны даже лучшіе монархи»¹⁾. Эти особенности въ характерѣ Людовика XVIII дали поводъ сказать, близко знавшимъ его, что онъ по самой природѣ своей былъ предназначенъ быть конституціоннымъ королемъ. «Мы должны благодарить Провидѣніе», замѣтилъ какъ то Бенъо, «что оно смѣсило нашего короля изъ тончайшей конституціонной муки (de nous avoir pétri un Roi d'une pâte composée de la plus fine fleur de la farine constitutionnelle)»²⁾.

Рядъ условій содѣйствовалъ такимъ образомъ тому, чтобы питать въ Людовикѣ XVIII готовность даровать Франціи либеральную конституцію и вполне искренно и безъ задней мысли проводить ее въ жизнь.

Эту конституцію требовало отъ него общественное мнѣніе, она была поставлена союзными державами необходимымъ условіемъ его возвращенія на престолъ; она же обставляла его такими условіями правительственной дѣятельности, которыя, не затрогивая, какъ ему казалось, дорогихъ ему вѣрованій и традицій, всего болѣе соответствовали его характеру и его личнымъ наклонностямъ.

О томъ, что Людовикъ XVIII, давая либеральную конституцію, дѣйствовалъ совершенно лояльно и былъ воодушевленъ искрен-

¹⁾ Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 227.

²⁾ Эти слова Бенъо приводитъ въ своихъ мемуарахъ Витроль, Mémoires, t. II, p. 239.

нимъ намѣреніемъ примѣнить ее къ жизни, объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и Ферранъ, котораго никакъ нельзя заподозрить въ желаніи преувеличивать конституціонное настроеніе короля. «Трудъ по составленію хартіи, который былъ на меня возложенъ», рассказываетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, «каждый вечеръ приводилъ меня къ королю. Я сохранилъ эту привычку, и, когда была закончена хартія, я ежедневно встрѣчался у короля съ канцлеромъ Дамбре и аббатомъ Монтекию. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ король сказалъ намъ, чтобы мы никогда не предлагали ему ничего, что могло бы противорѣчить хартіи; онъ показалъ намъ, что онъ всегда имѣлъ конституціонную хартію на своемъ столѣ и совѣтовалъ и намъ постоянно носить съ собою экземпляръ хартіи въ карманѣ... Онъ настаивалъ на томъ, чтобы мы никогда отъ нея не уклонялись и чтобы строго исполняли ее каждый въ своемъ вѣдомствѣ»¹⁾).

II.

Первоначальный проектъ Монтекию и ближайшіе сотрудники Людовика XVIII.

Людовикъ XVIII, по прибытіи своемъ 3 мая 1814 г. въ Парижъ, не имѣлъ основанія медлить разработкой общанной имъ конституціи: на ея скорѣйшемъ опубликованіи настаивало населеніе, утомленное слишкомъ долго длившимся политическимъ кризисомъ; ея провозглашенія ожидали съ нетерпѣніемъ палаты, тяготившія своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ; ея неотложнаго изданія настойчиво требовали иностранные государи, спѣшившіе вернуться въ свои владѣнія и не хотѣвшіе покинуть Парижа, пока Франція не получитъ конституціонной хартіи.

И вотъ уже 6-го мая Людовикъ XVIII разсылаетъ созывныя грамоты членамъ Сената и законодательнаго собранія и одновременно организуетъ совѣщаніе для составленія предварительнаго проекта конституціи.

Разработку этого проекта онъ поручаетъ канцлеру Дамбре, аббату Монтекию и графу Феррану. Всѣ эти три лица были людьми, которые ни по своему прошлому, ни по своимъ убѣжденіямъ, ни по своей подготовкѣ не были приспособлены къ тому дѣлу, которое было на нихъ возложено. Всѣ они, люди стараго порядка, жили возрѣніями и понятіями прошлаго: имъ было недоступно

¹⁾ Mémoires du comte de Ferrand (Publications de la société d'histoire contemporaine), p.p. 83, 84.

пониманіе новыхъ условій политической жизни и они относились отрицательно къ тому конституціонному строю, установленію котораго они должны были содѣйствовать¹⁾.

Они не скрывали, что порученное имъ дѣло было имъ не по сердцу и что они не ждутъ отъ него благихъ результатовъ. Если они тѣмъ не менѣе взяли за него, то сдѣлали они это, по ихъ словамъ, не въ расчетъ создать что-нибудь устойчивое и прочное. Они взяли на себя эту неблагодарную задачу во исполненіе желанія короля и съ цѣлью по возможности обезвредить помимо нихъ рѣшенное введеніе представительнаго строя.

«Разъ», говоритъ Витроль, «пошли по слѣдамъ англійскаго государственнаго строя, который восхвалялъ Монтескьё, передъ которымъ преклонялся Вольтеръ, который истолковалъ женеведъ Делольмъ, и который безуспѣшно рекомендовали учредительному собранію Мунье, Лалли-Толлендаль и Малуэ, разъ вступили на этотъ путь, намъ (т.-е. ревнителямъ стараго порядка) во избѣжаніе большаго зла, ничего другаго не оставалось, какъ наложить на этотъ новый актъ по возможности ярко выраженную печать догматовъ нашей древней монархіи»²⁾.

А Ферранъ высказываетъ еще яснѣе. «Мы были увѣрены», говоритъ онъ, «что хартія, которую намъ предстояло выработать, не представляетъ собою того, что нужно народу, но разъ на насъ

¹⁾ «M. Ferrand était un vrai contre-révolutionnaire qui, si on l'eût laissé faire, aurait tout brisé, les hommes et les choses; l'abbé Montesquiou, au contraire, voulait beaucoup de ménagements pour les personnes, tout en pensant qu'il fallait se préparer avec soin les moyens de devenir de jour en jour plus monarchique, mais ne croyait pas qu'on ne put rétrograder jusqu'à l'ancien régime. (Pasquier, Mémoires, 1893, t. II, p. 416).

«Ferrand n'était au courant ni de la nouvelle législation, ni de ses principes, ni de l'état de l'opinion, ni de la société». Barante, Souvenirs, p. 52.

«Cet indispensable chancelier (Dambray) était un homme qui vivait depuis vingt ans dans ses terres en Normandie, ne connaissait pas les lois nouvelles, ne lisant pas un livre parmi ceux qui paraissaient, et pas beaucoup parmi les autres, ni même un journal, disait-on, passant son temps avec des voisins de campagne et les soirées à jouer au piquet avec son curé et sa tante. Il y avait là de quoi rouiller le plus grand esprit du monde, à supposer qu'il pût s'accommoder d'un tel régime. Or M. Dambray était incapable de comprendre toute idée opposée à ses habitudes et à son instinct. Les doctrines constitutionnelles étaient pour lui l'inconnu et l'absurde qu'il laissait se professer avec bonhomie sauf à s'en moquer devant le roi et dans sa famille avec la lourde gaucherie d'un homme de robe». Barante, Souvenirs, p. 44.

Не менѣе интересно свидѣтельство Паскье о Ферранѣ и Монтескью: Parmi les rédacteurs que je viens de citer, il en est deux (Ferrand et Montesquiou), qui ne croyaient en aucune façon à la durée de l'œuvre qu'ils allaient mettre au jour, qui ne la regardaient que comme une concession à l'esprit du moment comme une transition pour revenir au système monarchique, beaucoup plus simple, le seul, croyaient-ils, praticable en France». Pasquier, Mémoires, t. II, p. 416.

²⁾ Vitrolles, Mémoires, t. II, p. 239.

былъ возложенъ этотъ опасный трудъ, мы сочли себя обязанными сдѣлать его, если не возможно лучшимъ, то, по крайней мѣрѣ, наименѣе плохимъ (*sinon le mieux, du moins le moins mal possible*), сообразуясь съ указаніями, данными намъ королемъ¹⁾.

Проектъ конституціи, составленный съ такой цѣлью и въ такомъ настроеніи, не могъ дать благихъ результатовъ. И дѣйствительно, въ итогѣ работъ сотрудниковъ короля получилось произведение, никого не удовлетворившее и менѣе всего его авторовъ. Витроль отнесся къ нему весьма сурово и, характеризуя его, пренебрежительно назвалъ его «*une oeuvre informe, sortie du laboratoire d'un législateur obscur*»²⁾.

Проектъ Монтекиу въ большей своей части представляетъ собою нечто иное, какъ очень близкую къ своему оригиналу, механическую переработку сенатской конституціи: онъ беретъ статьи этой конституціи одну за другой и воспроизводитъ ихъ въ той же самой послѣдовательности, въ какой онѣ были размѣщены въ актѣ 6-го апрѣля, при чемъ онъ или повторяетъ ихъ буквально³⁾, или перерабатываетъ ихъ только въ редакціонномъ отношеніи⁴⁾, или, наконецъ, измѣняетъ ихъ и по существу⁵⁾.

Проектъ Монтекиу съ внѣшней стороны ничѣмъ поэтому не отличается отъ сенатской конституціи; онъ страдаетъ всѣми ея недостатками, т.-е. крайней безсистемностью, несоразмѣренностью своихъ частей, недоговоренностью отдѣльныхъ опредѣленій.

Неудовлетворителенъ онъ и съ внутренней стороны. Онъ представляетъ собою съ этой точки зрѣнія не самостоятельную и органическую переработку сенатской конституціи, а является лишь приспособленіемъ акта 6-го апрѣля къ той особой задачѣ, которая стояла передъ королемъ и которая заключалась въ томъ, чтобы встать въ рамки конституціоннаго строя, провозглашеннаго Сентъ-Уанской деклараціей 3-го мая, монархическія начала, дорога восстановленной династіи.

Всмотримся же ближе въ измѣненія, сдѣланныя проектомъ въ сенатской конституціи⁶⁾.

¹⁾ Ferrand, Mémoires, p. 73.

²⁾ Vitrolles, Mémoires II, 243.

³⁾ Остались безъ измѣненія и представляютъ собою буквальное воспроизведеніе статей сенатской конституціи: §§ 10, 20 (19), 25, 26.

⁴⁾ Статьи, измѣненные лишь въ редакціонномъ отношеніи §§ 1, 4, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 23.

⁵⁾ Статьи, измѣненные по существу: §§ 2, 5, 6, 12, 21.

⁶⁾ Для того, чтобы сдѣлать читателю эти измѣненія болѣе наглядными, мы печатаемъ здѣсь проектъ Монтекиу, хранящійся въ государственныхъ архивахъ (Archives nationales B. V³⁰ dossier 1) рядомъ съ конституціей сената, помѣщая статьи конституціи противъ соответствующихъ имъ статей проекта. Такое сопоставленіе очень убѣдительно показываетъ какъ близко